

Глава 23. Третьему Лю совсем худо

Несколько редких волосков, заменявших старухе Лю брови, встали дыбом, а на лице отразилось крайнее раздражение:

— Какой ещё аромат? Совсем из ума выжил, пока по улице бегал? Какие только бредни в твою пустую башку не лезут!

— Но я же чувствую... пахнет мясом, — едва слышно пробормотал ребёнок.

Заметив, что внук смеет пререкаться, она окончательно вышла из себя:

— Какое ещё мясо?! От тебя только навозом несёт, больше ничем! Сказала — нет ничего, значит, нет. Есть хочешь? Так иди к своим родителям-недотёпам, пусть кормят!

Мальчик больше не решился проронить ни слова. Понурился и ссутулившись, словно побитая градом рассада, он поплёлся прочь.

Дождавшись, пока он скроется из виду, старуха Лю брезгливо сплюнула:

— Олух беспросветный. Только и знает, что пузо набивать, а ещё на моё мясо зарится!

Родной внук или нет — для неё это не имело значения, у старой женщины на каждого была заведена своя придирчивая книжка учёта. О семье Старшего Лю и говорить нечего: неблагодарные, непочтительные отродья. Им вообще не следовало бы топтать землю и тратить её деньги.

А вот Лю Чэнци, сын Второго Лю, удался в отца — хваткий, сообразительный. Она верила, что в будущем он станет опорой семьи, а потому не скупилась для него на доброе слово.

Зато дети Третьего и Четвёртого Лю не радовали — ни ума, ни способностей. Обычные пахари, чья участь до конца дней — ковыряться в земле. Тратить на них силы и время Лю-ши считала делом совершенно бесполезным. Впрочем, закон сыновнего почтения превыше всего: как бы ни сложилась их жизнь, на старости лет они обязаны будут её содержать.

Что же до девчонок — Лю Синь'эр, дочери Третьего Лю, и Лю Цзинь'эр, старшей у Второго, — те уродились на диво пригожими. Одна — сметливая и острая на язык, другая — тихая да послушная. Если всё правильно рассчитать и выгодно пристроить их наложницами в богатые дома, они могли бы принести семье нежданное процветание.

Но истинной отрадой для сердца Лю-ши были двое внуков от Младшего Лю. Такие же краснобай и умницы, как и их отец — вот они были её настоящим сокровищем. Если бы за мясом пришли они, старуха, пожалуй, и вправду выделила бы им кусочек.

В общем, в отличие от своего непутевого старика, старая женщина считала, что видит всё в истинном свете: тем, кто полезен, она готова улыбнуться, от бесполезных же не стоит ждать даже капли сострадания. Внуков и детей в доме слишком много — если привечать каждого, она просто надорвётся.

Жена Четвёртого Лю, завидев вернувшегося ни с чем сына, холодно усмехнулась:

— Что, не перепало мяса? Я же говорила — и не надейся. Не дорос ты ещё рожей до любимчиков. С вашим-то батюшкой упрямством да простотой вам не то что мяса — свежих овощей со стола не дожидаться.

Лю Лаосы недовольно поморщился:

— Дети же слушают. Не могла бы ты хоть раз промолчать?

Но его жена лишь прибавила голосу:

— Пусть слушают! Пусть знают с малых лет, чем оборачивается их безволие!

Отогнав детей спать, Лю Лаосы вскипел:

— Да чего ты добиваешься?! Время — за полночь, а ты всё не уймёшься!

— Я хочу, чтобы эта старая ведьма и её любимчики подавились своей жадностью! — прошипела женщина. — Хочу, чтобы у моих детей были деньги на мясо и на свадьбы. Что в этом плохого? Почему все сливки достаются Второму и Младшему Лю?

— И что толку от твоих желаний? Есть у тебя план?

— Если нет, так будет! — жена Четвёртого Лю решительно стиснула зубы. — Раз уж нас всё равно клеймят захватчиками имущества бездетного дома, так надо получить от этого реальную выгоду. Следи за теми двумя домами в оба глаза, не давай им продыху.

Лю Лаосы вспомнил, как в детстве Старший Лю водил их в лес за ягодами, перевёл взгляд на озлобленную жену, а затем на детей, которые даже во сне бормотали про мясо... и, наконец, медленно кивнул.

Пока в главном доме кипели страсти из-за объедков, Лю Тяньцзяо наслаждался покоем. Тан Суй-ши предусмотрительно отложила для молодых лучшие блюда, так что Тяньцзяо, уплетая сочное мясо и подливая вина Вэй Вэнькану, чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

В конце концов, оба новобрачных изрядно округлились. Один, блаженствуя, развалился на

кровати, закинув ногу на ногу. Другой же, непривычный к крепким напиткам, осоловел настолько, что сидел за столом, кляня носом и тщетно пытаясь не провалиться в сон.

Лю Тяньцзяо, глядя на его мучения, не выдержал и постучал по краю постели:

— Эй, книжный червь, хватит мучиться. Иди на кровать, ложись уже.

Вэй Вэнькан, хоть и соображал туго, о приличиях не забывал:

— Мужчине и гэ'эру... не подобает... телесная близость без нужды.

Юноша прыснул:

— Вообще-то говорят «мужчине и женщине». Не выдумывай правил на ходу, ладно?

Вэнькан, окончательно запутавшись в мыслях, пробормотал что-то невнятное:

— Всё равно... нельзя тебе...

— Ой, да брось ты ломаться! — отмахнулся Тяньцзяо. — Кто тут недавно рассуждал, что мы теперь настоящие супруги?

— Настоящие, конечно...

— А настоящие супруги спят в одной постели!

— Ты... ты всё врешь! Мои родители... — Вэнькан икнул. — У каждого была своя комната.

Лю Тяньцзяо промолчал.

«Понятно, что у твоих родителей согласия не было, но зачем же так позориться?»

— Слушай, ты ляжешь или нет? Если просидишь так до утра, шея отвалится, замучаешься потом.

— Пустяки... — выдавил упрямец.

«Ну и ладно, сиди, раз такой гордый».

— Тогда, как гости разойдутся, иди в комнату моего отца. Завтра выделю тебе отдельный покой.

Вэй Вэнькан вдруг вскинул голову, его взгляд на миг прояснился:

— Нет... не пойду. Здесь... здесь тоже неплохо.

Цзяо Гэ'эр лукаво прищурился:

— Это ещё почему? Неужто призраков боишься?

— Чепуха! — голос пьяного сюэя сорвался на крик. — Благородный муж... не верит в сверхъестественное!

«Ого, как заговорил. Видать, и впрямь до смерти напуган».

— Ну, раз не боишься, я тебя сейчас провожу. Сегодня у нас свадьба, отец наверняка захочет дать тебе пару напутствий.

Лицо Вэнькана мгновенно побледнело:

— Не надо... Завтра сам на гору схожу, всё дяде Лю расскажу.

Тяньцзяо едва сдержал смех, глядя на его несчастный вид.

— Ладно-ладно, не ходи. Только вот моя комната совсем рядом с отцовской. Вдруг он сам решит заглянуть? Смотри, вон там, у двери... Видишь тень? Не на батюшку ли похожа?

Вэнькан вздрогнул всем телом и с ужасом уставился на дверной проем:

— Где?! Какая ещё тень?

— Да как же, не видишь? — Лю Тяньцзяо снова похлопал по кровати. — Подойди ближе, я покажу.

— Хорошо... иду... — Вэнькан, позабыв обо всех своих клятвах, стремительно попятился к постели, не сводя глаз с двери.

Раздался глухой удар — сюэя со всей силы врезался поясницей в край деревянного ложа и вскрикнул от боли.

Те, кто подслушивал под окнами, затаили дыхание и переглянулись. Судя по звукам, Тяньцзяо был в спальне суров и беспощаден. «Бедный старина Вэй...» — пронеслось в их мыслях.

Сам Цзяо Гэ'эр перепугался, подскочил к мужу и принялся растирать ему ушибленное место:

— Живой? Ничего не сломал?

Вэй Вэнькан задрожал, и от боли, и от страха перед «призраками». В его глазах даже блеснули слезы:

— Сломал... всё сломал...

Тяньцзяо приложил ладонь к лицу.

«И призраков боится, и боли — ну что за мужчина?»

Но делать нечего, раз уж взял его в дом — надо заботиться. Пришлось мягко уговаривать и помогать улечься под тонкое одеяло.

— Всё, спи давай.

Но пьяный Вэнькан не унимался, пытается выбраться:

— Грязный... я грязный. Одеяло испачкаю...

Тяньцзяо силой прижал его к подушкам:

— Лежи уже! Сейчас принесу воды, обмою тебя.

Один из парней снаружи толкнул соседа в бок:

— Выходит! Выходит!

— Кто?

— Тяньцзяо вышел!

— И зачем это?

Тот пригнулся пониже и, разглядев, что происходит, прошептал:

— За водой пошёл. Видать, жарко у них там было!

Парни захихикали, толкая друг друга локтями и обмениваясь скабрёзными шуточками.

На следующее утро небо сияло первозданной чистотой, а над домами рано потянулись струйки дыма.

Лю Тяньцзяо расставил миски на столе. Завидев вышедшего из комнаты Вэнькана, он окликнул его:

— Проснулся? Давай к столу.

Вэнькан замер в дверях. Юноша нахмурился:

— Ты что, за ночь окончательно рассудок пропил?

— А... нет, всё в порядке, — Вэнькан чувствовал себя не в своей тарелке. Увидев на столе жареное мясо, фрикадельки и две огромные чаши белоснежного риса, он смутился: — Столько еды... я не съем, мне бы тарелку поменьше.

— Главное, что не спился. Это всё со вчерашнего осталось — ешь, пока не лопнешь. Такой случай подкрепиться выпадает редко, а пропадёт — так и отдать кому жалко будет.

Вэнькан всё ещё чувствовал неловкость от того, что ест за чужой счёт:

— Может, в доме нужно что-то сделать? Какая работа на сегодня?

— Работы — непочатый край. Огород заброшен, если сейчас не прибраться — с новыми посадками опоздаем. Ещё то сухое поле под пшеницу готовить надо. Да и водное поле простаивает, думаю, не посадить ли там чего...

Вэнькан в земледелии смыслил мало, но слушал внимательно:

— Хорошо. Говори, что делать — я исполню.

— Уж будь уверен, церемониться не стану, — усмехнулся Тяньцзяо.

Деревенские обычно уходили в поле с рассветом и работали до самого пекла. Те же, кто оставался, занимались скотиной или пряжей. Но сегодня у въезда в деревню собралась целая толпа, оживленно что-то обсуждая.

Стоило Тяньцзяо и Вэнькану показаться на улице, как на них устремились десятки любопытных глаз. Цзяо Гэ'эр, сам любитель сплетен, мгновенно почувствовал неладное: на этот раз «новостью» были они сами.

И точно — одна из тетушек, изображая напускное равнодушие, пристально оглядела Вэнькана с ног до головы и расплылась в улыбке:

— Как ты, паренек? Живой? Тяньцзяо, ну и ты тоже... С твоей-то статью мог бы и поскромнее быть.

Юноша опешил:

— Поскромнее... в чём?

— Ой, ну не прикидывайся! Свадьбу уже сыграли, а всё туда же — «не понимаю».

— И то правда, Тяньцзяо! Хоть он тебе и муж пришлый, так нельзя же так наседать. Вон он какой бледный, а ты его сразу на работу тащишь. Смотри, надорвется парень!

Вэй Вэнькан ответил со всей серьезностью:

— Благодарю за заботу, тетушки. Со здоровьем у меня всё в порядке, и трудиться — мой долг.

В ответ раздался дружный хохот:

— Ха-ха-ха! Все мужики такие — тело в синяках, а язык как бритва!

Вэнькан нахмурился, так и не поняв, в чем причина веселья.

Тяньцзяо же всё понял. Его благоверный, похоже, совсем в своих книжках засиделся и жизни не знает. Пришлось брать удар на себя и переводить тему:

— Тетушки, а вы чего сегодня не в поле? Случилось что?

Женщины, которые обсуждали новость уже битый час, только и ждали повода поделиться:

— Так ты не слыхал? Еще до рассвета твоего дядю, Третьего Лю, в город повезли. Сказали — всё, не жилец, преставится скоро!

<http://bllate.org/book/15343/1372759>